

АЛИСА
РДОВА

МОЕ
ПРОКЛЯТИЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А79

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке — *Александр Шапочкин*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ардова, Алиса.

А79 Мое проклятие : [роман] / Алиса Ардова. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Руны любви).

ISBN 978-5-17-099694-0

Что вы знаете о предательстве? Мой ответ — ничего. Страшно ли это? Не страшнее, чем быть проклятой в день собственной свадьбы. Опасно ли это? Не опаснее, чем оказаться в чужом теле и чужом мире. Больно ли? Не больнее, чем лишиться невинности в объятиях незнакомого мужчины. Смертельно? Не на столько, сколько отмерено отверженной родом душе. Итак, что вы знаете о предательстве?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099694-0

© А. Ардова, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ГЛАВА 1

— Будь ты проклята! — протягивая в мою сторону дрожащую руку, с ненавистью выплюнула женщина.

И столько злобы звучало в ее голосе, что я невольно отшатнулась, переводя растерянный взгляд с искаженного лица всегда такой спокойной и благожелательной Светкиной бабушки на выглядывающую из-за ее плеча заплаканную Светку.

Музыка смолкла, в наступившей внезапно тишине слышалось лишь шумное дыхание столпившегося вокруг народа. Разгоряченные выпивкой и танцами, еще недавно самозабвенно отплясывающие, гости теперь полностью обратились в слух, не скрывая своего любопытства, а порой и злорадства, в ожидании продолжения незапланированного шоу.

Непонимание, растерянность, злость. Что я сейчас чувствовала? Что вообще может чувствовать в такой ситуации невеста, на свадебный банкет которой врывается бабушка ее лучшей подруги, волоча за руку эту самую подругу, и начинает с порога выкрикивать что-то маловразумительное и осыпать упреками и оскорблениями?

Конечно, я ждала обеих. С утра ждала. И в загсе. После загса тоже постоянно оглядывалась в напрасной попытке увидеть белокурую головку подруги. То, что не пришла Наталья Владимировна, еще могла понять. Пожилой человек, вдруг ей внезапно плохо стало. Но Светик, как моя свидетельница, обязательно должна была появиться.

На звонки девушка не отвечала. Посланный за ней Вадим — дружка со стороны жениха — вернулся ни с чем, сообщив, что ему так никто и не открыл.

Срочные поиски новой свидетельницы. Настойчивые попытки снова и снова дозвониться до Светы. Назойливые мысли о том, что с ней случилось что-то нехорошее. Красочные картины аварий и криминальных происшествий с ее участием. Утешающие поцелуи Артема, нашептывающего, что все наверняка не так страшно, скоро пропажа объявится, и все выяснится.

Она действительно объявилась. Несчастливая, рыдающая, вместе с крепко удерживающей ее за руку разъяренной бабкой. И все еще больше запуталось.

— Наталья Владимировна, пожалуйста.. — сделала попытку хоть что-то понять. — Да что стряслось? Свет, может, ты объяснишь?

Перевела взгляд на подругу, и ощущение надвигающейся катастрофы накрыло с головой. Она не отрываясь смотрела на моего теперь уже мужа, и в ее глазах стыла горькая, тягучая тоска. Не понять, что этих двоих связывает нечто намного большее, чем моя скромная персона, было невозможно.

Сердце застучало быстро-быстро, все внутри будто окатило кипятком.

— Артем? — с трудом узнала в тихом хриплом шепоте свой голос.

Ну разубеди же меня! Скажи, что то страшное, о чем я думаю, неправда. Рассмеши, сводя все к шутке. Уболтай, уговори, ты ведь можешь. Уверь, что вместе мы непременно поможем нашей Светке справиться с ее проблемой.

Но Артем молчал, виновато глядя в сторону. Потом, когда ожидание уже туго стянуло грудь железным обручем, мешая дышать, все-таки заговорил. Но... лучше бы он и дальше продолжал молчать.

— Катюш! Это ничего не значит, правда, — тот, кого я еще полчаса назад с гордостью называла своим мужем,

МОЕ ПРОКЛЯТИЕ

схватил мою ладонь и крепко сжал ее холодными пальцами. — Я любил и люблю только тебя.

Рядом с надрывом всхлипнула Светлана.

Попыталась освободиться из рук Артема. Он не дал, обхватил сильнее и быстро, лихорадочно заговорил:

— Ты была в Лондоне, в командировке, помнишь? А мы на фирме успешное завершение переговоров отмечали. Я тогда много выпил, домой на автопилоте добрался. Одна мысль была: спать. Только раздеваться начал, а тут эта вдруг пришла... — Он неприязненно покосился на Свету. — Зачем — непонятно, знала ведь, что ты уехала. Ну и как-то случайно все вышло.

— Случайно? — качнувшись из-за спины Натальи Владимировны, отчаянным тонким голоском выкрикнула Светка. — А на даче тоже случайно? Катя ведь тогда уже в Москву вернулась. Да и ты трезвый был. А потом...

— Ну зачем же отказываться, когда так настойчиво предлагают, — похабно улыбнулся Артем, а я вдруг подумала, что совсем не знаю человека, за которого сегодня вышла замуж и с которым собиралась прожить вместе всю оставшуюся жизнь. — Но я тебе ничего не обещал и сразу сказал, что мне нужна не ты, а Катя, и женюсь только на ней.

Подруга съежилась, весь ее гневный запал иссяк. Она обхватила себя руками за плечи, словно пытаюсь согреться, хотя в этот теплый июньский вечер было сложно замерзнуть, и с тоской пробормотала:

— Я беременна.

Мне наконец удалось вырвать ладонь из внезапно ослабевших пальцев Артема. Шагнула к Свете в неосознанном стремлении согреть и успокоить, как всегда бывало, — из нас двоих именно я обычно выступала в роли утешительницы и разгребала проблемы. Но девушка обожгла злым, безумным взглядом, раздраженно прошипев:

— Это ты во всем виновата!

Оторопев от абсурдности обвинения, замерла и тут же снова очутилась в руках мужа. Прижав меня к себе, он процедил:

— Ребенком решила связать? Не выйдет. Если ты такая дура и не смогла предохраниться, то аборт еще никто пока не отменял. А не хочешь — твой выбор. Матерей-одиночек вокруг достаточно, и никто из этого трагедии не делает. — Помолчал и презрительно добил: — Докажешь, что ребенок от меня, буду помогать материально. Но это все, что от меня получишь.

Света снова всхлипнула и что-то забормотала, просительно заглядывая в глаза Артему, но я уже не слушала. С силой оттолкнула удерживающего меня мужчину и сделала несколько шагов назад, стремясь оказаться как можно дальше от двух еще недавно самых близких мне людей. На смену недоумению и неверию медленно, но верно приходило понимание, что жизнь разбилась на мелкие осколки, которые уже никогда не собрать и не склеить.

Моя Светка спала с моим женихом и теперь ждала от него ребенка. Мой Артем изменял мне с моей лучшей подругой, даже не любя ее, просто так, от нечего делать. Мелькнула глупая мысль: «Как хорошо, что мама с папой не видят всего этого». Надо же, впервые порадовалась, что родителей больше нет рядом.

Стянула с пальца внезапно ставшее тяжелым обручальное кольцо, протянула тому, кого так недолго называла мужем:

— Возьми!

Видя, что он не торопится, аккуратно положила символ несостоявшегося семейного счастья на край стола.

— Катя, — вкрадчиво начал Артем, — не надо, не решай сгоряча. Ты ведь любишь меня, я знаю. А я очень люблю тебя. Тебя, а не эту... Она за мною как тень бродила, коровьими глазами за каждым шагом следила, чуть ли не в открытую себя предлагала. Ты одна, как слепая, ничего

МОЕ ПРОКЛЯТИЕ

не замечала. Как же, лучшая подруга, — выплюнул он с отвращением.

Отвернулась, не желая слушать всю эту мерзость, и буквально напоролась на колючий, жесткий взгляд Светиной бабушки.

— Как ты могла? — пожилая женщина задыхалась от переполнявших ее эмоций. — Я в доме тебя как желанную гостью привечала, теплом своего сердца делилась. А ты, улыбаясь, планы черные вынашивала. Змеєю подколодной оказалась, обманом парня увела у лучшей подруги. Ведь мы с внучкой тебе доверяли! Не только Светочку обездолила, счастье у нее отняла, и старуху не пожалела. Знаешь ведь, кроме кровиночки единственной, никого у меня больше на всем свете нет.

— Наталья Владимировна, да что вы говорите?! Света, откуда твоя бабушка все это взяла! — беспомощно оглянулась на теперь уже бывшую подругу, и та тут же ринулась в наступление:

— Я с ним первая познакомилась и начала встречаться. Он был бы моим, если бы не ты.

Ну да, Светка с Артемом действительно познакомилась раньше меня. На вечеринке у общих друзей. Я в тот день занята была и не смогла с ней пойти. Помню, она взхлеб рассказывала о голубоглазом красавчике, с которым протанцевала накануне весь вечер. Первое время только и было слышно: «Артем то, Артем се». Но прошло несколько недель, мужчина не стремился к общению, и восторги подруги сошли на нет. Потом, когда мы с Темой встретились у тех же друзей и он стал оказывать мне знаки внимания, пыталась вызнать у Светика, как она к этому относится. Но та только отмахнулась: «Дерзай, подруга». И кстати, первой поздравила, когда будущий жених сделал предложение. И вот теперь, оказывается, это я встала на ее пути к счастью и отбила мужчину. А она просто хочет забрать свое.

Вспомнила, что Светлана уже некоторое время ходила как в воду опущенная. В ответ на мои расспросы каждый раз чем-нибудь отговаривалась, я же, охваченная предсвадебной лихорадкой и счастливыми хлопотами, и не настаивала. А на девичнике, за неделю до свадьбы, подружка внезапно решила напиться вусмерть, чего за ней обычно не наблюдалось. Потом, наматывая на кулак сопли и пьяно икая, с подвываниями рассказывала пустому бокалу о своей погубленной жизни и о Катьке-подлюке. Тогда я не придавала этому значения. Мало ли что вспомнится после изрядной дозы алкоголя: претензий ко мне за долгие годы тесного общения у нее могло накопиться немало.

А оно вон как обернулось.

— Светочка ведь до последнего надеялась на твою порядочность, ждала, что отступишься, — снова подала голос Наталья Владимировна. — Сегодня утром наконец не выдержала. Видно, совсем не вмоготу стало девочке моей. В отчаянии ко мне приехала, помощи попросила да во всем созналась. И в своей доверчивости, и в предательстве твоём, и в беременности неожиданной. В том, как сбила с толку, запутала ты Артема, голову ему задурела. Вот и сейчас он внучку мою позорит, только чтобы тебе угодить. А сердце его небось к будущему ребенку рвется. Что же ты надела, Катерина?

Можно многое было бы сказать в ответ. Но эта женщина, душу которой оплели плотной паутиной лжи, не поверила бы ни единому слову. Она уже все для себя решила. Стало противно, захотелось убежать, скрыться ото всех, забиться в самый дальний угол и там, в тишине, зализывать раны.

Видимо, что-то мелькнуло в моих глазах, так как Артем в тот же миг рванулся вперед, снова стараясь сграбастать в объятия.

— Катя! — разнесся по залу его бешеный крик.

— Темочка! — истошным эхом раздалось следом. Света, заливаясь слезами, вцепилась в рукав мужчины в тщетной

МОЕ ПРОКЛЯТИЕ

попытке его остановить. — Пожалей меня, не уходи. Я не могу без тебя, Темочка! Бабушка, ну сделай же что-нибудь, ты ведь можешь. Не дай ей забрать у меня любимого.

С меня было довольно. Не осталось ни сил, ни желания продолжать эту трагикомедию. Отвернулась от своих бывших и направилась к выходу, чтобы уйти навсегда, когда в спину ударил страшный в своей лютой ярости голос: — Проклинаю!

Наталья Владимировна, почерневшая от горя и ненависти, снова вытянула в мою сторону руку и ставшим вдруг странно глубоким и звучным голосом не произнесла, а почти пропела:

— Я, последняя додола Великой Свы, Матери Времени и Вечности, силой, данной мне кровью и родом, проклинаю тебя! За то, что лишила счастья мою единственную внучку, за то, что отняла у нее любимого мужчину, за то, что оставила без отца ее ребенка. Пусть предадут тебя близкие, как ты предала подругу свою. Пусть первая близость принесет тебе только муку. Пусть страсть мужчины станет для тебя наказанием. Пусть душа твоя пылает, покоя не знает! — Глаза женщины затянулись кровавой пеленой, и она забормотала что-то уж совсем несусветное: — По камням раскаленным, по пропастям бездонным, по топям, по зыбям мечись, крутись, чтобы не было мира, сна, ночи, дня. Лишь печаль, тоска, мрак и тьма. Да будет так!

Оцепенев от ужаса, увидела, как за спиной Светкиной бабушки появилась и, набухая чернильной тьмой, начала разрастаться уродливая крылатая тень. Все увеличиваясь и увеличиваясь в размерах, она вытянулась почти до потолка, качнулась, будто решая, что ей делать, а потом внезапно обрушилась на меня.

Все вокруг заволочло непроглядным мраком. Когтистые лапы, больно царапая кожу, цепко схватили визжащую меня, подняли в воздух и плашмя бросили вниз. Зажмурившись, приготовилась к неизбежной болезненной встрече с полом. Но встреча эта все откладывалась — я ле-

тела и летела со страшной скоростью в бездонную пропасть, пока, наконец, не рухнула на что-то мягкое.

Удар о поверхность был таким сильным, что на миг перехватило дух. Судорожно глотая ртом воздух, пыталась прийти в себя, и это почти удалось, как вдруг что-то тяжелое придавило сверху, опять не давая вдохнуть полной грудью.

— Посмотри на меня, девочка, — жаркодохнула тьма, обдавая лицо сильным винным запахом.

Распахнула глаза и увидела прямо перед собой мужское лицо.

— Вот так, — удовлетворенно пробормотал незнакомец. — Хочу, чтобы ты смотрела на меня, когда я буду в тебя входить.

Что?!

Завертела головой и задохнулась от изумления, осознав, что лежу без одежды, распластавшись на кровати, а сверху навалился, придавив своим телом, совершенно мне неизвестный и тоже абсолютно голый мужик.

Попыталась оттолкнуть его и вскочить, но руки без труда перехватили, и большая крепкая ладонь прижала их к подушке за головой. Хотела закричать, но не смогла издать ни звука. Тогда я молча отчаянно задергалась, стараясь освободиться, но незнакомца это только развеселило. Хрипло рассмеявшись, он еще сильнее прижал меня сверху, так, что я не смогла больше двигаться под весом его большого мощного тела.

— Собралась сбежать, девочка? Зря. Я ведь предупредал: после того как дашь клятву, отказаться уже не получится. Ты добилась своего. Я возьму тебя сейчас — этого не изменить. Успокойся, прими неизбежное, и будет не так больно.

Мужчина с силой развел мои бедра своими ногами и лег между ними.

— Сладкая, — шепнул он, прижимаясь к шее горячим ртом. — Сладкая и такая желанная. Боишься? Твой страх

МОЕ ПРОКЛЯТИЕ

пьянит сильнее вина. Я чувствую, как неистово бьется под моими губами жилка, выдавая отчаяние и испуг.

Сильная ладонь продолжала удерживать руки, вторая уверенно сжала грудь и, скользнув по телу вниз, стала гладить внутреннюю поверхность бедер.

Его действия совсем не возбуждали, напротив, вызывали отвращение, но я уже не дергалась, убедившись, что это бесполезно. Говорить, объяснять, умолять о пощаде не могла, голос по-прежнему не слушался. Просто лежала потрясенная, огорошенная случившимся, отчетливо понимая, но до конца так и не веря в то, что все это происходит именно со мной.

К глазам подступили слезы. Опустила веки, пытаюсь хоть так отгородиться от затянувшегося навязчивого кошмара.

— Я велел смотреть на меня, — рыкнули рядом, в ответ только отрицательно замотала головой. — Непокорная, — хмыкнул мужчина. — Решила поиграть? Хочешь узнать, как наказывают маленьких строптивых девственниц?

«Девственниц? — мелькнула вялая мысль. — Ну, это точно о ком-то другом».

Незнакомец отпустил мои руки, приподнялся, нажал на бедра, разводя ноги шире, и одним слитным движением резко вошел, сразу и до конца.

Беззвучно закричала от затопившей все тело боли.

«Не может быть, не может, — стучало в висках, — я давно уже не девственница».

Чужая рука хозяйничала на груди, властно сминая соски, тяжелое дыхание вперемишку с быстрыми, жгучими, голодными поцелуями обжигало лицо. Движения мужчины — сильные, глубокие — рваными ударами отдавались в висках. В ушах, нарастая, звучал нескончаемый пронзительный звон. Раздавленная яростным напором, ослепшая, оглохшая, немая, я могла только содрогаться в жестких объятиях, пока незнакомец неистово овладевал моим те-

лом. Наконец он громко гортанно застонал и, шумно выдохнув, тяжело навалился сверху.

Через несколько минут его дыхание выровнялось, и он скатился на кровать. Некоторое время мы просто лежали рядом: я — молча глотающая слезы, еле живая от боли и обиды, и он — разгоряченный и довольный. Потом послышалось глубокое ровное дыхание. Медленно перевела на него взгляд и увидела, что мой мучитель заснул.

Сколько прошло времени с тех пор, как меня оставили в покое? Десять минут? Полчаса? Час? Я потерялась в воспоминаниях, вновь и вновь переживая жуткие мгновения, нет, не близости — разве это можно назвать близостью? — соития, животного совокупления. Вот, пожалуй, точные слова. Такие обезличенные, по-медицински отстраненно-равнодушные.

Надо было что-то делать: собраться с мыслями, подняться, пойти... хоть куда-нибудь пойти. Попросить о помощи, в конце концов. Но меня словно выжали досуха: ни чувств, ни эмоций. Лишь одни и те же кадры черно-белого немного кино.

Как-то между прочим, краем гаснущего сознания отметила, что лежу на широкой кровати в огромной, полутемной, незнакомой — кто бы сомневался — комнате. Большие окна с задернутыми шторами, какая-то мебель, кресла, столы и столики, ковер на полу. Все эти образы скользили по грани восприятия, не вызывая ни удивления, ни любопытства.

Странный звук неожиданно нарушил вязкую тишину и, бессознательно заставив прислушаться, наконец-то вывел меня из апатичного ступора. Невольно задержала дыхание, всматриваясь в темноту. Несколько мгновений ожидания, и звук повторился.

МОЕ ПРОКЛЯТИЕ

Скрип двери. Где-то там, в черноте необъятной комнаты, только что отворилась невидимая дверь.

И снова тишина.

Мы оба замерли, чуть дыша и внимательно прислушиваясь: я и тот, кто сейчас притаился у входа, не решаясь войти. И вот, когда уже отчаялась дождаться хоть каких-нибудь действий со стороны или слишком робкого, или чрезмерно осторожного визитера, раздались легкие, почти неслышные шаги, и темнота соткалась в грациозную гибкую фигурку. Поздний гость крадучись приблизился к кровати, и до меня долетел испуганный женский шепот: — Кэти!

Чуть не прослезилась, услышав имя, которое было известно лишь старым университетским друзьям. Когда-то, впрочем, не так уж и давно, во времена веселой студенческой вольницы, мы одно время любили сокращать свои имена на западный манер. Ник. Алекс. Джордж. Мэгги. От «Кэт» я сразу храбро отбилась. Это слово вызывало стойкие ассоциации с незабвенной радисткой из старого советского сериала. Против «Кэти» же возражать не стала. Постепенно поветрие прошло, и однокурсники снова превратились в Никиту, Сашку, Гошу и Марусю. А вот мое прозвище как-то прижилось в нашем обиходе. До сих пор, услышав в трубке веселое: «Привет, Кэти», даже не глядя на номер, с уверенностью могу сказать: звонит кто-то из своих.

Внезапно вспыхнувшая отчаянная надежда стряхнула остатки нездорового оцепенения. Приподнявшись на локте, стала жадно вглядываться в еле различимое в царящем вокруг сумраке женское лицо, пытаюсь отыскать знакомые черты.

Увы! Кем бы ни была гостья, виделись мы с ней первый раз в жизни. Обманутая в лучших ожиданиях, разочарованно выдохнув, рухнула на подушки. Девушка отреагировала на это придушенным писком и, стремительно преодолев оставшиеся метры, склонилась над кроватью.